

Пролог

Венеция, 1940 год

— Я пришел не только попрощаться с вами, у меня есть еще один, скрытый мотив. Не желаете ли послужить своей стране?

Вид у меня стал удивленный, а он тем временем продолжал:

— Все, что я буду говорить дальше, совершенно секретно, и вам придется подписать документ о неразглашении. — Он полез в карман и положил на стол листок бумаги. — Готовы это сделать?

— Прямо так, не зная, чем это может грозить?

— Боюсь, что да. По законам военного времени.

Я немного поколебалась, не сводя с него глаз, потом подошла к столу.

— Наверно, если я подпишу, ничего страшного не случится. Я ведь все равно смогу не принять ваше предложение?

— О, совершенно верно. — Голос мистера Синклера звучал как-то слишком жизнерадостно.

— Тогда ладно.

Я проглядела документ, отметив, что нарушение секретности может привести к тюремному заключению или даже к смертной казни. Это отнюдь

не обнадеживало, но я все равно подписала. Мой гость забрал листок и сунул его обратно в карман пиджака.

— У вас отсюда замечательный вид, мисс Браунинг, — сказал он.

— Знаю. Мне он тоже нравится.

— Насколько я понимаю, эта квартира принадлежит вам.

— Похоже, вам многое обо мне известно, — усмехнулась я.

— Так и есть. Нам пришлось покопаться в вашей биографии, прежде чем обратиться с этим предложением.

— И с каким же именно?

В кухонной нише громко засвистел закипевший чайник, заставив меня броситься к плите, пока этот звук не разбудил Анджело. Я заварила чай и вернулась в гостиную.

— У вас здесь отличное место для наблюдения за гаванью. Вы же в курсе, что тут стоят итальянские военные корабли? А теперь и немецкий флот может получить разрешение устроить здесь базу для нападения на Грецию, Кипр и Мальту. Нам бы хотелось ежедневно получать от вас отчеты об их передвижении. Если они покинут порт, вы дадите знак, и мы пошлем им наперехват самолеты.

— А что за знак? Вы оставите кого-нибудь для связи?

— Нет. — Он слегка покраснел. — Но мы пришлем рацию. Ее спрячут так, чтобы никто больше о ней не знал. Не пользуйтесь ею, когда эта ваша

домработница будет тут, ей нельзя видеть рацию. Это понятно?

— Конечно, хотя она особым умом не блещет. Ей, наверно, даже не сообразить, что это такое.

— И тем не менее, — он предупреждающе погрозил мне пальцем. — Выходить в эфир нужно, как только вы заметите в гавани какую-то активность, чем скорее, тем лучше.

— А с кем придется связываться? И что говорить?

— Терпение, многоуважаемая леди. Постепенно все станет ясно.

Я вернулась в кухню, налила чай в две чашки и отнесла их на подносе туда, где мы расположились. Мистер Синклер сделал глоток и испустил вздох удовлетворения.

— Ах, у вас чай с настоящим вкусом. Вот чему я порадуюсь, вернувшись домой.

В ожидании я тоже пригубила чашку. Он тем временем поставил свою на стол.

— Азбуку Морзе знаете?

— Боюсь, что нет.

— Вам принесут брошюру. Выучите морзянку как можно скорее. Вместе с рацией вы получите шифровальную книгу. Ее нужно будет спрятать отдельно, в таком месте, где никто и не подумает искать. Ваши сообщения будут зашифрованы. Допустим, вы увидите два эсминца, а напишите, например: «бабушке сегодня что-то нездоровится».

— А если немцы расшифруют код?

— Он будет часто меняться. И вы не будете заранее знать, как именно получите новый ключ

к шифру. Может, придет посылка от тетушки из Рима, а в ней инструкция. — Мой гость пожал плечами. — Наша разведка очень изобретательна. Тут хорошо, что никаких личных контактов у вас не будет, поэтому во время допроса не придется беспокоиться о том, чтобы никого не предать.

— Как это обнадеживает! — процедила я и заметила, как его губы дрогнули в улыбке.

Он сделал еще глоток, снова поставил чашку и сказал:

— И еще одно. Вам нужен будет оперативный псевдоним. Предложите какой-нибудь?

Я уставилась на противоположный берег канала. Мимо медленно проплывало торговое судно. Может, я сошла с ума, раз соглашаюсь на такое?

— Меня зовут Джулиет, — проговорила я, — значит, псевдоним может быть Ромео.

— Ромео. Мне нравится, — засмеялся он.

Глава 1

Джулиет. Венеция, 20 мая 1928 года

После долгого путешествия в потном, прокуренном и запредельно некомфортабельном вагоне поезда мы с тетей Гортензией наконец-то прибыли в Венецию. Тетя Гортензия не любила лишних трат, поэтому заявила, что спальные места будут совершенно бесполезны — ведь поезд то останавливается, то снова едет, да еще и трясется, поэтому спать в нем все равно невозможно. Поэтому мы сидя проделали весь путь из Булони на французском побережье через Францию, Швейцарию и Италию. Днем было невыносимо жарко, но открывать окна не стоило, потому что в них моментально задувало дым и пепел из трубы паровоза. А ночью сидевший напротив меня мужчина громко храпел за компанию со своей женой, которая источала ароматы чеснока и немытого тела. Но я знала, что жаловаться грех. Это такая удача, что на семнадцатый день рождения меня везут в Италию. Все девчонки из моего класса чуть с ума от зависти не посходили!

И теперь весь этот путь позади. Мы вышли из здания вокзала Санта-Лючия и остановились на верхней ступени лестницы.

— *Ecco il Canal Grande!*¹ — театрально провозгласила тетя Гортензия, раскинув руки, будто она стояла на подмостках, предварительно создав специально для меня все вокруг.

По-итальянски я знала только «спасибо», «пожалуйста» и «добрый день», но поняла, что перед нами Гранд-канал. Только он не выглядел таким уж «гранд», то есть величественным. То есть, без всяких сомнений, он был широким, но дома на его противоположной стороне казались самыми обыкновенными. А еще он был грязным, да и достигавший моих ноздрей запах аппетитностью не отличался: пованивало сыростью с нотками лежалой рыбы и чего-то гниющего. Однако у меня не было особой возможности оглядеться, потому что нас немедленно стали осаждать носильщики. Я немного встревожилась, наблюдая, как они спорят на непонятном языке, хватают наши вещи и пытаются усадить нас в гондолу, не обращая внимания, хотим мы этого или нет. Но, как призналась тетушка Гортензия, выбора все равно не было: запихнуть весь свой багаж в один из водных трамвайчиков, которые тут называют «вапоретто», мы бы просто не смогли. Конечно, я пришла в восторг, оказавшись в гондоле, пусть даже правил ею не молодой итальянец, распеваящий любовные песни, а довольно-таки мрачный с лица толстопузый тип.

После излучины Гранд-канал действительно стал до невозможности величественным. По обе стороны от нас возвышались потрясающие дворцы

¹ Вот Гранд-канал! (*итал.*)

с арочными мавританскими окнами — облицованные мрамором либо окрашенные во всевозможные оттенки розового цвета. Это выглядело совершенно сюрреалистично, будто здания плывут по воде, — мне даже захотелось немедленно вытащить свой альбом для набросков. Очень хорошо, что я этого не сделала: движение на канале было оживленным, и наша гондола начала пугающе раскачиваться. Гондольер что-то пробормотал — скорее всего, какое-нибудь грубое венецианское ругательство.

Для лодочки с одним веслом мы шли довольно резво, но канал казался до ужаса длинным.

— *Ecco il Ponte di Rialto!*² — воскликнула тетя Гортензия, показывая на мост, высокой аркой взметнувшийся впереди над каналом. Казалось, он не падает только по волшебству, а еще на нем вроде бы находилась какая-то постройка; когда мы приблизились, она подмигнула нам на послеполуденном солнце рядом окон. Мне стало любопытно, не станет ли теперь тетя Го разговаривать исключительно по-итальянски. Если так, нам предстоит достаточно односторонние беседы.

Однако этот страх испарился, когда она извлекла свой путеводитель и принялась информировать меня о каждом здании, мимо которого мы проплывали:

— Слева палаццо Барзицца, обрати внимание на его фасад тринадцатого века. А вон тот большой дом — палаццо Мочениго, там когда-то останавливался лорд Байрон...

² Вот мост Риальто! (*итал.*)

Это продолжалось, пока от своего причала не отошел переполненный вапоретто. Наша лодка опять закачалась, и тетя чуть не упустила книжку в мутные глубины.

Как раз когда меня уже стало слегка подташнивать, перед глазами возник еще один мост — более зыбкий, металлический пешеходный мост, который высоко поднимался над каналом. Я думала, что тетюшка Го сейчас произнесет «Экко иль понте такой-то и сякой-то», но она вместо этого сказала:

— Ага, вот и мост Академия. Мы почти на месте. Это хорошо, а то меня что-то начинает качивать. Морская болезнь.

— Ты хочешь сказать, канальная болезнь, правда? — спросила я, и она улыбнулась в ответ.

— На том берегу академия, видишь? Такое здание из белого мрамора у моста. Если бы ты изучала искусство в Италии, то постаралась бы поступить именно сюда. Ля Академия ди Белле Арти. Академия изящных искусств. А еще там лучшее собрание живописи в Венеции. Нам определенно надо его увидеть.

Пока она говорила, мы свернули с Гранд-канала в маленький, боковой, и причалили возле какой-то изрядно истершейся лестницы. Будто по волшебству набежали люди, вытащили нас из гондолы и похватали багаж. Подойдя к гондольеру, чтобы расплатиться, тетя Го повела себя так, словно ее ужаснула сумма, которую тот назвал. На своем высокопарном итальянском она вопрошала гостиничных носильщиков, правильная ли это цена, или нас, чего доброго, пытаются надуть.

— Вы видите двух беззащитных англичанок, — сказала она, вновь переходя на родной язык, — и думаете, что можете ограбить их, лишив скромных сбережений. Поступите ли вы так с собственной матерью? С собственной бабушкой? — Потом она повторила все это по-итальянски.

Гондольер смутился. Носильщики заулыбались. Потом гондольер пожал плечами.

— Хорошо, — проговорил он наконец, — я возьму с вас всего двести лир. Но только потому, что у вас было долгое путешествие и эта юная леди выглядит усталой.

Тетушка Го триумфально прошествовала в фойе не блиставшего роскошью желтого гостиничного здания с зелеными ставнями, где к ней с распростертыми объятиями вышел седовласый мужчина.

— Дорогая, дорогая синьорина Марчмонт, вы к нам вернулись. Тысячу раз добро пожаловать!

Теперь, видя, как тетушку встречают в этом пансионе, я поняла, почему он так ей нравится. Если честно, меня разочаровало, что мы не поселились в одном из палаццо на Гранд-канале, но тетя Гортензия говорила мне, и не раз:

— В Венеции есть лишь одно место, где можно остановиться, и это *пансионе* «Реджина», пансионат «Королева». А все потому, что там есть сад. Когда устанешь от жары и осмотра достопримечательностей, можно посидеть в тенечке и выпить свежего лимонаду.

По мраморной лестнице мы поднялись в большую, богато декорированную угловую комнату с выходящими на две стороны окнами, расписным

деревянным потолком и мебелью, которая выглядела так, точно ее привезли из музея. Ладно хоть у двух кроватей с накрахмаленными белыми простынями был более-менее современный вид, а у окна с видом на сад и краешек Гранд-канала стояли письменный стол и стул. Я подошла к окну, распахнула его и высунулась наружу. Меня приветствовал аромат жасмина.

— О да, — сказала тетя Го, проинспектировав нашу ванную, — весьма удовлетворительно.

Пока я стояла у окна, начали звонить колокола, и их звон разносился над каналами. Мимо проскользила гондола, и на этот раз гондольер оказался молодым красавчиком. Я почувствовала, как у меня поднимается настроение. Я впервые была в Европе, в Венеции, и собиралась извлечь из этого все, что только возможно.

21 мая 1928 года

Проснулась я тоже от колокольного звона. Похоже, в этом городе безумное количество церквей и никому не дозволено спать допоздна! Я подошла к окну и распахнула ставни, которые по требованию тетушки Го с вечера закрыли от комаров. Звук колоколов эхом разносился по всему городу, небо над которым было идеального голубого цвета. По этой голубизне, пикируя, носились крошечные мальтийские кресты ласточек, раздавались чайчьи вопли, а внизу по двору, напыжившись, расхаживали голуби.

— Город колоколов и птиц, — довольно заметила я.

В этот момент мимо проплыл катер, и рокот мотора отразился от стен узкого ущелья между домами. Город колоколов, птиц и лодок, мысленно поправилась я.

Завтрак нам накрыли в саду под зонтиком: свежие, еще теплые булочки, сыр, фрукты и кофе вместо привычного чая, а потом мы отправились исследовать город, вооруженные верным тетушкиным путеводителем и картой. К счастью, тетя Го побывала тут уже несколько раз и знала, куда идти, иначе бы я безнадежно заблудилась в первые же минуты. Венеция оказалась настоящим лабиринтом переулков, каналов и мостов. Я сразу заметила, что тут нет настоящих улиц — во всяком случае, таких, как у нас дома — одни только мощеные дорожки и мосты через каналы. Похоже, эти самые каналы и выступали тут в качестве улиц — всё передвигалось по воде, и грузы, и люди, и даже мусор: мы видели, как его сбрасывают в открытую баржу.

И дома тоже поднимались прямо из воды. Я думала, они окажутся на каких-нибудь платформах, надежно защищенные от приливов, но ничего подобного, их стены скрываются под водой, которая плещется у окон нижнего этажа и пачкает кирпичи водорослями. Некоторые двери наполовину затоплены. Как все эти постройки до сих пор не смыло, почему они не рассыпаются? Тетя Гортензия тоже не знает ответа.

А еще казалось, что здесь нет прямых путей. Некоторые улицы оканчиваются каналами, и никаких

тебе мостов. Чтобы попасть направо, приходится сворачивать налево. Но тетушка Го вывела нас прямехонько на площадь Святого Марка, и, о боже, наверно, впервые за все мои восемнадцать лет дыхание у меня перехватило. Я никогда не видела ничего более величественного, чем это огромное, окруженное колоннадой открытое пространство, заканчивающееся гигантским собором, который венчают купола и статуи, как будто это какой-нибудь дворец из восточных сказок. Справа от него вверх устремлялась невозможно высокая, стройная колокольня, контрастируя с вычурной пышной базиликой. Рядом располагались уличные кафе, а под колоннадой играл оркестрик, но тетя Го решила, что нам нужно еще много всего посмотреть, а потому нечего терять время на пирожные и булочки.

Она зашагала через всю площадь к базилике, а там наняла гида, чтобы тот показал нам каждую деталь ее внутреннего убранства. Мы даже спустились в крипту, и я натерпелась там страху от всех этих захоронений и надгробий. Потом мы отправились на экскурсию по Дворцу дождей, который оказался чередой пышных залов с полотнами знаменитых мастеров на стенах.

— Хорошо бы тебе все тут рассмотреть как следует, раз уж ты собралась стать художницей, — сказала тетя Го, указывая на картину Тинторетто, которая занимала целую стену.

«Ну и ну, — подумала я, — это сколько же времени понадобится, чтобы нарисовать такое, даже если мастерски владеешь кистью?» Все картины тут были такими великолепными, такими

громадными, и я даже вообразить себе не могла, что когда-нибудь рискну покуситься создать нечто подобное. Куда сильнее меня заморозил мост Вздохов — последнее, что видели заключенные по дороге в тюрьму, отсюда и название. «Так грустно и романтично, — думалось мне. — Нужно обязательно вернуться сюда и нарисовать его!»

Я обрадовалась, когда тетя Го сказала, что нам следует вернуться в пансион, пообедать и отдохнуть. Казалось, что в середине дня в Венеции закрывается буквально все, включая магазины и музеи. Весь город запирает двери и ложится спать. Но я, конечно, заснуть не смогла, просто лежала в постели и слушала доносящиеся из-за ставней звуки: плеск вёсел, гудение моторных катеров, воркование голубей и пронзительные, высокие крики ласточек. И я чувствовала себя до смешного удовлетворенной, словно впервые в жизни все обрело смысл. Никакой больше Академии мисс Мастерс для юных леди — меня ждал весь мир.

Вечером за ужином я прочла в английском варианте меню: «ассорти из жареной рыбы». На самом деле в наших тарелках оказались разнообразные неопознаваемые кусочки щупалец, креветок и прочих моллюсков.

— Милостивый боже, — проговорила тетушка Гортензия, — похоже, ради этого все дно лагуны обшарили. На вид совершенно несъедобно.

А мне в общем и целом понравилось такое угощение, разве что жевать щупальца было как-то тревожно. Ужин завершился фруктами, сыром и кофе. Слышно было, как город снаружи оживает. Мимо